

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ТВОРЧЕСКИХ СИСТЕМ ЛЕРМОНТОВА И РАННЕГО ДОСТОЕВСКОГО: КАТЕГОРИЯ СОМНЕНИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ

Рассматривается проблема соотношения творческих систем Лермонтова и раннего Достоевского на основе выделения категории сомнения, центральной на рубеже веков, определяющей переходность мира 1830–1840-х гг. и состояние тотального критицизма умов. Категория сомнения, выступая репрезентантом сближения двух художественных миров, исследуется с содержательной и формальной сторон: как центральная философская проблема эпохи в целом, спровоцировавшая появление нового типа героя и приемов психологизации, и как проблема, обусловившая возникновение изменений на уровне нарратива.

Ключевые слова: Лермонтов, ранний Достоевский, проблема героя, категория сомнения.

Ситуация фронтирности в литературе 1830–1840-х гг., выдвинувшая в качестве центральной проблему «личности и действительности», способствовала возникновению самосознающего героя. Одной из сторон сознания мыслящих людей эпохи, как отмечает А. И. Журавлева, было «сомнение в готовых истинах и суждениях, тотальный критицизм» [1, с. 167]. Значимым репрезентантом сближения художественных миров Лермонтова и раннего Достоевского выступает категория сомнения. Выявление данной категории в творческой системе двух писателей позволяет увидеть трансформацию проявлений и динамику рефлектирующего критического сознания.

Проблема существования героя в ситуации сомнения, необходимости выбора может быть рассмотрена как важная философская проблема эпохи в целом, спровоцировавшая возникновение особого типа героев, ознаменовавшая начало процессов самосознания и психологизации событий, но также и как проблема, обусловившая возникновение изменений на уровне нарратива.

На повествовательном уровне можно проследить связь категории сомнения с пространственно-временным положением героя, поскольку экзистенциальная ситуация, порождающая в герое неуверенность и сомнения, обуславливается и соответствующим хронотопом. И в связи с этим принципиальное значение принимает хронотоп имперского города Петербурга. Петербург миражный и туманный может проявляться и исчезать, запутывать, поражать сознание героев внезапно, без определенных закономерностей. Это определяло возникновение странных, больных, сходящих с ума героев, а также удивительные, но неслучайные совпадения в описаниях их состояний и восприятий города. Сближающим моментом для произведений обоих художников оказывается погружение героев в болезненное, лихорадочное состояние при неожиданном столкновении с действительностью. При этом примечательно то, что образ Петербурга создается сознанием сомневающегося героя, но в

то же время Петербург оказывает влияние на героя и обуславливает его. Таким образом, категория сомнения здесь репрезентирует направление формирования не только внутреннего мира героя, но и образа самого города. И поскольку Петербург окружен «семиотической пустотой» [2, с. 10], как «город, скованный на воздухе», категория сомнения выступает в качестве одной из ключевых в создании мифа о городе (за отсутствием его истории), его амбивалентности и текста.

Случайность в ментальной сфере провоцирует эффект развития и процессуальности, приводящий к смене сознания. Герой Лермонтова и Достоевского, одолеваемый сомнениями, как правило, выходит на улицы города в поисках, лелея надежду найти выход из собственной ситуации: «Таким-то образом сомневаясь и ища ключа и разрешения сомнений своих, герой наш добежал до Семеновского моста...» [3, т. 1, с. 223]. Нагляднее всего это проявляется в таких повестях, как: «Штосс», «Двойник», «Хозяйка», «Белые ночи». Сомнения героев, вызванные глубоко личными переживаниями, находят свое внешнее проявление в нерешительности, неспособности осуществить действие или сделать выбор. Психологическое наполнение событий, выражение состояния героев обуславливает наличие нарративных изменений, зачастую сопровождающихся замедлением повествовательного хода, наслоением описаний сюжетных событий и психологических состояний, такой монтаж частей в ряде текстов сопровождается возникновением риторических вопросов, усиливающих неустойчивость состояния и сомнения: «У Лугина руки опустились. Сердце его забилося, как будто предчувствуя несчастье. Должен ли он был продолжать свои исследования? Не лучше ли вовремя остановиться?» [4, с. 320], «Господин Голядкин, видя, что Андрей Филиппович узнал его совершенно <...> покраснел до ушей. „Поклониться иль нет? Отозваться иль нет? Признаться иль нет?“ – думал в неописанной тоске наш герой...» [3, т. 1, с. 113]. Так, категория сомнения в формальном плане

определяет комбинаторику сюжетных рядов в произведениях обоих писателей, являясь при этом и способом психологического наполнения текстов.

Необходимо обозначить определенную динамику развития и изменений категории сомнения в идеологическом и психологическом планах. Центральным самобытным образом творчества Лермонтова является образ Демона. Возникновение этого образа обуславливается демоническим комплексом жизни самого Лермонтова и окружающей его действительности 30–40-х гг. Помимо этого, уже для современников Лермонтова была очевидна связь самого поэта с созданным им образом. Позднее Ф. М. Достоевский прямо назовет Лермонтова «демоном», который «проклинал и мучился, и вправду мучился <...> мстил и прощал <...> писал и хохотал» [3, т. 18, с. 59–60]. Демонизм лермонтовской жизни и судьбы обуславливается тем, что он был одинок в своем бунте, бунте не просто до конца, но до бесконечности, даже когда сам демонизм сходит на нет, поэт не смиряется: «Наконец ему наскучило с нами; он нигде и ни с кем не мог ужиться; он проклял нас и осмеял „насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом“ и улетел от нас...» [3, т. 18, с. 59–60]. Б. Т. Удодов указывает на такую особенность Демона из одноименной поэмы Лермонтова, как готовность к изменениям: «Демон на пороге перехода в какое-то иное, неведомое ему состояние» [5, с. 269]. Важно, что демонический дух оказывается в ситуации борьбы с самим собой при необходимости выбора. Демонизм сознания обусловил необходимость возникновения процессов самосознания. Этот лермонтовский образ положил начало ряду героев, «сомневающимся во всем».

Психологическая разработка новых типов сознания повлекла за собой различные изменения и переходы от сомнения через нерешительность к состоянию безысходности и осознанию собственного бессилия совершить что-либо, сделать выбор. Особой вехой в творчестве Лермонтова стал образ нового Демона в поэме «Сказка для детей», наделенного собственным сознанием, вступающего уже на путь рефлексии, подвергающего критическому осмыслению все присущие ему абсолюты. Своей кульминации развития все эти признаки достигнут в образе Печорина. Положенный в основу создания нового текста о Демоне иронический метод обеспечил не только возможность критического подхода, но также и психологизацию повествования. Драматизм демонического комплекса в «Сказке для детей» усиливается в результате возрастания диссонанса, заключающегося в несовпадении стремлений и результатов. Демонизм Печорина как раз и заключается в достижении высшей точки подобного диссонанса.

На смену сомневающемуся интеллигенту приходит болезненное сознание маленького человека, склонного к сумасшествию, который, сомневаясь, уже не доверяет, а также боится и существует в состоянии тоски и тревоги. Герой последней повести Лермонтова «Штосс» – художник Лугин, а затем и герои ранних повестей Достоевского – Голядкин, Прохарчин, Ордынцев, Вася Шумков, Астафий Иванович ощущают ужас самой действительности и вследствие этого стремятся сбежать или «выпасть» из реальности (отсюда повторяющиеся мотивы снов, галлюцинаций, мечтаний). Также меняется и характер демонизма. Демонизм печоринского типа – демонизм идеологический, демонизм самосознающего сформированного героя, подвергающего сомнению «все». Природа демонизма и сомнения героев ранней прозы Достоевского иные, поскольку человек в художественной системе Достоевского изначально выступает в качестве объекта исследования, в этом случае сомнению и взысканию нередко подвергается личность самого героя. Однако способность сомневаться не чужда и таким героям. Н. Кашина отмечает, что в творчестве Достоевского «чем более развернут персонаж, тем более он представляется свободным, прежде всего от своего характерологического типа <...> Он может поступить вопреки складывающемуся у читателя представлению о его характере» [6, с. 91]. Демонизм таких героев определяется внутренними проекциями, сомнениями и колебаниями, основанными на этой внутренней свободе и незаданности.

Сомнения лермонтовского героя приводят к такому феномену, как «неугаданность Судьбы», на который указал К. Г. Исупов в статье [7, с. 44]. Обращаясь к образу Печорина, исследователь демонстрирует механизм работы его сознания, а в то же время и причину возникновения сомнения: «Игра для Печорина стала то ли средством борьбы с Судьбой, то ли способом избежать ее. Но в первом случае надо быть убежденным в успехе подобного поединка, а во втором – догадываться о своем неотменяемом уделе. Печорин не уверен в первом и не знает второго» [7, с. 44]. Лугин, так же как и Печорин, находится в состоянии полной неопределенности, граничащей с фантастикой. Сомнения и неуверенность не позволяют ему выйти из ряда так называемых «случайностей».

Необходимо отметить принципиальное различие в отношении к сомнению героя – интеллигента 1830-х гг. и новых героев – маленьких людей, героев-мечтателей. Печорин признается, что «любит сомневаться во всем» и при этом видит в сомневающемся состоянии современных людей – слабость и бессмысленность: «Мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного счастья, потому знаем его невоз-

возможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению...» [4, с. 309]. Это осознанное сомнение мыслящего человека, подвергающего осмыслению окружающий мир и самого себя. Последний же герой Лермонтова – Лугин и герои ранней прозы Достоевского теряют способность осознанно сомневаться, их сомнения рождены страхами, хандрой, галлюцинациями. Сомневающийся герой у раннего Достоевского совершает неожиданные поступки, действия, зачастую тем самым опровергая свои идеологические установки или мысли. Статус поступка приобретает самостоятельное значение, это своеобразная система координат, с помощью которой Достоевский проверяет своих героев-мечтателей. Демонизм сознания и бытия героя раннего творчества Достоевского определяется несоответствием внутренних проекций героя и его поступков или неожиданными переломами и надрывами жизненного пути – в тех случаях, когда герой выражается только во внешнем плане (и ему не дано слово в произведении). Тогда несоответствие выявляется с помощью диалектики, в оценке поступка или действия героя другими персонажами, в неуместности или «ненормальности», наделяющих мир статусом «болезненного». Однако герои раннего Достоевского совершают ту же ошибку, что и лермонтовские герои: осознанное сомнение и инстинктивное, порожденное страхом или болезнью, и в том и другом случае замыкаются на «неугаданности Судьбы». В результате чего повествование заполняется случайностями, событиями, совершающимися вдруг, внезапно на место судьбы приходит власть Случая, поскольку «герою в ситуации неугаданной Судьбы ничего иного не остается, как воспринимать ее в образе цепочки немотивированной событийности» [7, с. 44].

Примечательно, что в экзистенциальной ситуации, требующей от такого героя ответа, нарастающее сомнение усиливает его страх, и зачастую герой не отвечает, а вопрошает. Принципиально здесь то, что ключевым повторяющимся в текстах обоих художников становится вопрос «что-с?», выражающий недоверие, страх и свидетельствующий об открытии сознания героя. Данный вопрос можно обозначить как определенный композиционный элемент, ломающий событийный ряд. Это связано с тем, что сомнение порождает в таких героях чувство неизбежности. В повести «Двойник» герой постоянно задает вопрос, зачастую обращаясь к самому себе: «Что, что это?», «Да что ж это такое, – подумал он с досадою, – что ж это я, с ума, что ли, в самом деле сошел?» [3, т. 1, с. 141] и т. д. Тотальное непонимание происходящего обостряет желание таких героев разрешить ситуацию, при этом доминантными становятся мотивы мучений, тоски, тревоги и ожидания беды: «Наконец, в тоске своей, он начал желать, чтоб хоть бог знает как, да только разрешилось бы все поскорее, хоть и *бедой* какой-нибудь <...> Как тут судьба поймала господина Голядкина: не успел он пожелать, как *сомнения* его вдруг разрешились, но зато самым странным и самым неожиданным образом» [3, т. 1, с. 146] (курсив мой. – А. Х.). Взыскую со своих ранних героев, намеренно погружая их в экзистенциальные ситуации, Достоевский заставил их начать сомневаться в собственном существовании, идентичности своего сознания. Это совершенно иной уровень и тип сомнения, и такой процесс ознаменуется в творчестве уже позднего Достоевского переходом от «критики души» и двойничества к рождению внутренних голосов героев, превращению Демона в собственного внутреннего черта.

Список литературы

1. Журавлева А. И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 288 с.
2. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 2. С. 9–22.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1986.
4. Лермонтов М. Ю. Штосс // Собрание сочинений: в 4 т. Л.: Наука, 1981. Т. 4. С. 319–335.
5. Удодов Б. Т. М. Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж: Воронежский университет, 1973. 701 с.
6. Кашина Н. Познание человека // Человек в творчестве Ф. М. Достоевского. М., 1986. С. 59–108.
7. Исупов К. Г. О метафизике Лермонтова // Мир Лермонтова. СПб.: Скрипториум, 2015. С. 42–51.

Храброва А. В., аспирант.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: anastasiahrabrova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 22.12.2015.

A. V. Khrabrova

**THE PROBLEM OF CORRELATION OF CREATIVE SYSTEMS BY LERMONTOV AND EARLY DOSTOEVSKY:
THE CATEGORY OF DOUBT AS A REPRESENTATIVE**

The present article is devoted to the problem of the category of doubt as representative of interference and convergence of late Lermontov's and early Dostoevsky's artistic worlds. The category of doubt is central on epoch's boundary as it reveals the transitivity of the world in 1830–1840s. and a state of total criticism. Firstly, this category is considered a central epoch's philosophical problem and secondly, a problem of narrative methods. As a philosophical problem, category of doubt gave birth to a new type of hero and new methods of psychologisation, which caused different changes and transitions from doubt through uncertainty to the condition of hopelessness and hero's self-recognition of powerlessness towards actions and choices. As a result, the doubting intellectual is replaced by the sick consciousness of a "small man" ("malen'kiy chelovek"), who loses his trust being in doubts and lives under the condition of fear and anxiety. The narrative aspect of the category of doubt determines the combinatorics of plots' lines, the overlay of psychological conditions, the retardation of narration. All this produces the parts' montage in some texts which comes along with rhetorical questions which intensify the doubt.

Key words: *Lermontov, early Dostoevsky, problem of hero, category of doubt.*

References

1. Zhuravleva A. I. *Lermontov v russkoy literature. Problemy poetiki* [Lermontov in the Russian literature. The problems of poetics]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2002. 288 p. (in Russian).
2. Lotman Yu. M. *Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda* [The symbolism of Petersburg and semiotics' problems of the city]. *Izbrannyye stat'i: v 3 t.* [Selected papers: in 3 vol.]. Tallin, 1992, vol. 2, pp. 9–22 (in Russian).
3. Dostoevsky F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete collection of works: in 30 vol.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1986 (in Russian).
4. Lermontov M. Yu. *Shtoss. Sobraniye sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vol.]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, vol. 4, pp. 319–335 (in Russian).
5. Udodov B. T. *M. Yu. Lermontov. Khudozhestvennaya individual'nost' i tvorcheskiye protsessy* [M. Yu. Lermontov. The artistic individuality and creative processes]. Voronezh, Voronezhskiy universitet Publ., 1973. 701 p. (in Russian).
6. Kashina N. *Poznaniye cheloveka* [The cognition of the person]. *Chelovek v tvorchestve F. M. Dostoevskogo* [The person in F. M. Dostoevsky's creations]. Moscow, 1986. Pp. 59–108 (in Russian).
7. Isupov K. G. *O metafizike Lermontova* [About Lermontov's metaphysics]. *Mir Lermontova* [The world of Lermontov]. St. Petersburg, Skriptorium Publ., 2015. Pp. 42–51 (in Russian).

Khrabrova A. V.

National Research Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: anastasiahrabrova@yandex.ru